

ТЕМАТИЧЕСКИЙ ДИАПАЗОН ФИЛОСОФСКОЙ ЛИРИКИ В. С. СОЛОВЬЁВА

Н. Г. Юрина

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва, Саранск

Рассматривается тематический диапазон лирики В. С. Соловьёва. Эта проблема периодически поднимается в российском соловьеведении, однако поэзия этого лирика анализирует либо тематические группы без конкретизации тематики в их рамках, либо без учета некоторых важных пластов его творчества. Определяя природу соловьевской поэзии как философскую, подчеркивается, что нельзя игнорировать тот факт, что, кроме произведений с философской тематикой, в поэтическом наследии Соловьёва присутствуют стихотворения, не затрагивающие метафизических вопросов, в том числе переводы, а также так называемая «шуточная» лирика, во многом отражающая специфику мировоззрения автора, его эстетико-художественные взгляды. Привлекая в качестве материала все разнообразие художественного самовыражения Соловьёва-поэта, анализируется его лирическое наследие с точки зрения ключевой тематики и ее изменений в разные периоды творчества. Исследование выполнено на основе сравнительно-исторического и типологического методов. Прослеживается этапность формирования пейзажной, любовной, собственно философской и шуточной лирики Соловьёва. Констатируется близость тематики поэзии Соловьёва, с одной стороны, русской и западноевропейской романтической лирике (В. А. Жуковский, К. Н. Батюшков, М. Ю. Лермонтов, Г. Гейне, А. Мицкевич), с другой – философской лирике Ф. И. Тютчева. Кроме того, отмечается присутствие отдельных отголосков восточной, гафизовской и славянофильской поэтических традиций. В результате проведенного исследования делается вывод о широте тематического диапазона в лирике Соловьёва. Повторяемость ключевых для его поэзии тем связывается не с бедностью его лирики, а с верностью автора любимым поэтическим идеям, усиленной их разработкой, постоянным их углублением.

Ключевые слова: *В. С. Соловьёв, философская поэзия, пейзажная лирика, любовная лирика, шуточная лирика, тематика, трансформация темы, поэтическая традиция, мотив, образность, ирония.*

В. С. Соловьёв – один из ярких представителей русской философской лирики второй половины XIX в., органично сочетающий в своем сознании рациональное и эмоциональное начала. Большая часть его поэтических произведений может рассматриваться как философская по своей сути, так как художественные тексты базируются на комплексе идей, сложившихся у автора в завершённые концепции любви, природы, человека, космоса. В этом смысле совершенно справедливы высказывания современников Соловьёва, В. В. Розанова, писавшего, что его поэзия – это метафизика¹, и К. В. Мочульского, говорившего о нем как о философе в поэзии². Вместе с тем нельзя отрицать, что Соловьёв всегда стремился к «свободному, естественному выражению художественной идеи, вводил ее органически и нераздельно в ткань произведения, поэтому не всегда

понятия поэтические соответствовали у него понятиям философским» [3, с. 254]. Он сознательно выстраивал свою поэзию мысли, но обладал при этом тончайшим эстетическим чутьем, которое позволяло не нарушать гармонию и сохранять собственно художественную составляющую в оптимальном соотношении с философской. Лирику подобного рода сам Соловьёв называл поэзией «гармонической мысли» [4, с. 126], относил к ней творчество Ф. И. Тютчева и А. К. Толстого и ставил ее в 1890-е гг. даже выше «органической» поэзии А. С. Пушкина.

В современном литературоведении поэзия – наиболее активно изучаемая область художественного творчества Соловьёва. При этом исследователей на сегодняшний день особенно интересуют эстетические основы лирики этого автора³, его диалог с русской литературой⁴, жанровая специфика его по-

¹ В. В. Розанов писал: «Поэзия может быть, и у Соловьёва она и была недоказуемою философию, „метафизикою“» [1, с. 193].

² К. В. Мочульский оценивал соловьевскую поэзию более чем сдержанно: «Поэтический дар Соловьёва невелик. У него есть отдельные пронзительные строки, прекрасные строфы, но в целом его поэзия производит впечатление мучительной неудачи. Лирике его недостает внутренней взволнованности, непосредственности, выразительности, того ритма души, который бьется в каждой строчке Блока. Соловьёв – поэт в философии и философ поэзии. Он „не находит выражения для движений сердца“, быть может, он не столько чувствует, сколько размышляет над чувством» [2, с. 202].

³ Золотарёва И. Б. Лексико-семантические средства выражения этико-эстетических концептов в художественном тексте: на материале стихотворений и художественной прозы В. С. Соловьёва: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2006. 17 с.; Чжонг-Со П. Поэзия Владимира Соловьёва (Проблема нравственного и эстетического идеала): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1995. 29 с.

⁴ Шмонина М. «Тютчевский» пласт в лирике Вл. Соловьёва // Русская филология: сб. науч. работ молодых филологов. Тарту, 1999. № 10. С. 70–78; Глушкова М. А. Символ в поэзии Аф. Фета и Вл. Соловьёва // Грехневские чтения: сб. науч. трудов. Вып. 3. Нижний Новгород: Нижегород. гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского, 2006. С. 184–188 и др.

этического наследия⁵, природа художественного метода и поэтика⁶. Тематика поэзии Соловьёва рассматривалась в литературоведческих работах неоднократно⁷, однако, как правило, попутно и точно, без учета некоторых важных пластов его лирического творчества. Нельзя игнорировать тот факт, что, кроме произведений с философской тематикой, в поэтическом наследии Соловьёва присутствуют стихотворения, не затрагивающие метафизических вопросов, в том числе переводы⁸, а также так называемая «шуточная» лирика, во многом отразившая специфику мировоззрения автора, его эстетико-художественные взгляды. При всей «невыписываемости» этой части наследия в основной корпус его лирического творчества, порой диссонансным его звучанию, противоречащем сложившемуся и уже почти монументальному образу поэта-философа, пора признать как данность, что Соловьёв как поэт был шире тех рамок, в которые его традиционно пытаются втиснуть⁹. Еще современники Соловьёва констатировали богатство его поэтической тематики¹⁰, но предпочитали анализировать его наследие не отдельными, конкретными темами, а тематическими группами¹¹. То же самое, к сожалению, можно наблюдать в научных изысканиях последних лет¹². Привлекая в качестве материала все разнообразие художественного самовыражения Соловьёва-поэта, проанализируем его лирическое наследие с точ-

ки зрения ключевой тематики, учитывая ее трансформацию в разные периоды творчества.

Поэтическая индивидуальность В. С. Соловьёва формируется в середине 1870-х – 1880-е гг. Летом 1874 г. в Нескучном он впервые пробует свои силы в поэзии, создает стихотворение «Прометею» и несколько переводов. Его талант вызревал стремительно, что отмечал, в частности, С. М. Соловьёв¹³. Начинающий поэт-философ писал об особенной жизни природы («Природа с красоты своей...»), о суетности человеческой жизни и величественности мироздания («Умные звезды»), о будущем соединении всех в одно единое с божественным («Прометею», «*Vis ejus integra*»), о свободе духа человека («Как в чистой лазури затихшего моря...»), предначертанности судьбы человека, его связи с Богом, иной жизнью («Хоть мы навек незримыми цепями», «Из Шиллера»). Однако уже в первых его стихах оформляется несколько ключевых для него тем, сближающих его поэзию с традицией романтической лирики: двоemiрие, сон, смерть. Все они имели, безусловно, философское звучание и восходили к опыту лирики предшествующих эпох.

Поэтические произведения 1870-х гг. на любовную тематику выразили самые различные оттенки переживаний Соловьёва-юноши: ощущение тягот неразделенной и уходящей любви («Отрывок»,

⁵ Черкасова Е. А. Жанры средневековья в поэзии В. С. Соловьёва // Русский мир в духовном сознании народов России. Тюмень: Тюм. кн. изд., 2008. С. 252–254; Юрина Н. Г. Жанровый состав шуточной лирики В. С. Соловьёва // Вестн. Ленинградского гос. ун-та имени А. С. Пушкина. 2014. № 1. Т. 1. Филология. С. 30–39 и др.

⁶ Магомедова Д. М. Владимир Соловьёв // Русская литература рубежа веков (1890-е – начало 1920-х годов). Кн. 1. М.: Наследие, 2000. С. 732–778.

⁷ См., например, Мокрова А. В. Концепция «времени / вечности» в творческом сознании Вл. Соловьёва (философия – литературная критика – поэзия): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Коломна, 2003. 16 с.; Джанумов А. С. Религиозно-философские мотивы лирики В. С. Соловьёва // Труды ученых МГПУ. Вып. 4. М.: Московский гос. пед. ун-т, 2006. С. 141–148; Рашковский Е. Б. Библиейские темы в поэзии В. С. Соловьёва // Мир Библии. М., 1993. № 1. С. 85–92; Красицки Я. «Знамение», второе путешествие Владимира Соловьёва в Египет // Соловьёвские исследования. 2016. № 2 (50). С. 96–113.

⁸ Стихотворные переводы Соловьёва – одна из мало изученных областей его художественного творчества. Проблема единой концепции и методов перевода Соловьёва намечена лишь в общем виде. См.: Кравченко В. В. Поэзия В. С. Соловьёва как особый род теоретической философии // Вече. 2014. № 26. С. 60–70; Юрина Н. Г. Стихотворение В. С. Соловьёва «На мотив из Мицкевича» в переводческой практике поэта // Перевод в меняющемся мире: материалы Междунар. науч.-практ. конф., г. Саранск, 19–20 марта 2015 г. М.: Изд. центр «Азбуковник», 2015. С. 155–159.

⁹ В. В. Розанов, оценивая шуточную лирику Соловьёва весьма скептически, как «гримасничающие стихотворения», сквозь которые «просвечивают истерические слезы», тем не менее констатировал: «Нельзя их выкинуть, ибо они написаны, ибо они были... Наконец, их нельзя выкинуть, как вообще характеристику... личности...» [5, с. 624].

¹⁰ С. М. Лукьянов, в частности, писал: «...поэзия Вл. С. Соловьёва, несмотря на относительно небольшое число его стихотворных произведений, есть поэзия весьма богатая темами и многосторонняя» [6, с. 133].

¹¹ В поэзии Соловьёва выделяются типичные тематические группы: философская, пейзажная, любовная (интимная), историческая, патриотическая (сатирическая), шуточная лирика.

¹² См., например: Зотова О. Н. Лирика Владимира Соловьёва: единство на основе повторяемости: автореф. ... канд. филол. наук. Смоленск, 2014. 22 с.

¹³ Он писал об ощутимой разнице поэтических опытов дяди лета – осени 1875 г. и зимы – весны 1876-го: «...во время заграничного путешествия впервые зацвела поэзия Соловьёва. Лондонское стихотворение „Хоть мы навек незримыми цепями...“ еще производит впечатление рассуждения в стихах. Египетские стихотворения „У царицы моей есть высокий дворец“ и „Песня офитов“ уже полны музыки и образов» [7, с. 131].

«В былые годы любви невзгоды...», «Лишь год назад – с мучительной тоскою...»), бегство от любви («Коль обманулся ты в любви...»), готовность на подвиг ради избранницы («Ночное плавание»). В некоторых стихотворениях уже этого времени возлюбленная соотносилась с Вечной Женственностью («Царицей»), так что картины свиданий приобретали философское освещение и могли быть трактованы как эпизоды нисхождения Вечной Женственности в мир, очищения любовью, смирения тьмы перед светом в душе любящего («Вся в лазури сегодня явилась...»), «У царицы моей...», «Близко, далеко, не здесь и не там...»). Поэтический образ Вечной Женственности, Софии, олицетворял некое связующее звено между мирами, а любовь – чувство, открывающее в человеке способность к непосредственному общению с Богом. Таким образом, уже ранняя поэзия Соловьёва имела философскую природу.

С темой любви в ранней лирике Соловьёва оказывается связанной одна из ключевых тем для русской лирики XIX столетия – тема пути, странничества. В разное время поэтический образ дороги имел свою наполненность. В эпоху А. С. Пушкина и П. А. Вяземского он выступал в комплексе лирических тем любви, родины, служения Богу (соответственно: «Желание славы», 1825; «Подражание Корану», 1825; «Пророк», 1826 и «Зимние карикатуры», 1828). У М. Ю. Лермонтова был символом изгнанничества поэта («Выхожу один я на дорогу...», 1841; «Пророк», 1841). У Н. А. Некрасова олицетворял скитальчество и страдания народа («Тройка», 1846; «Размышления у парадного подъезда», 1858). Соловьёв трактовал тему странничества в духе романтика К. Н. Батюшкова, писавшего в своем эссе «Нечто о морали, основанной на философии и религии»: «Человек есть странник на земле... чужды ему грады, чужды веси, чужды нивы и дубравы: гроб – его жилище во век... человек, сей царь лишенный венца, брошен сюда не для счастья минутного... одна святая вера... переносит в вечность все надежды и все блаженство человека» [8, с. 190]. Не случайно в поле внимания

Соловьёва-переводчика, кроме восточной поэзии, воспевающей возлюбленную (оригинальный стилизованный текст «Газели пустынь ты стройнее и краше...»), на этом этапе попадают романтические тексты Г. Гейне «Ночное плавание» и «Коль обманулся ты в любви...», затрагивающие темы «нездешней» любви и воскрешения через смерть, преодоления земной скорби через странствования. Тема странничества становится для Соловьёва сквозной до конца творчества («В тумане утреннем неверными шагами...», 1884; «Сон наяву», 1895 и др.).

Шуточная лирика Соловьёва¹⁴ в 1870-е гг. находилась в стадии оформления, имела исключительно юмористическую направленность. По тематике она не выходила на серьезные общественные вопросы, разрабатывала (конечно, в юмористическом ключе) тему мудрости («Мудрый осенью»), романтизма и рыцарства («Таинственный гость»), женской эмансипации («Читательница и анютины глазки»). К концу 1970-х гг. Соловьёв все чаще обращается к романтической иронии, представляя высокие темы любовных разочарований, осмысления места человека в мироустройстве, предвидения грядущего в сниженных вариантах. Его все больше привлекают стихотворения Г. Гейне иронического характера, повествующие о суетности бытия, мимолетности человеческих чувств, ограниченности человеческих возможностей («Умные звезды», «Якобы из Гейне», «Уж солнца круг, краснея и пылая...») и утверждающие гедонистические идеалы («Трубят голубые гусары...»).

В 1880-е гг. тематика поэзии Соловьёва становится разнообразнее. Расцвет переживает его любовная лирика, совпавшая по времени написания с глубоко драматичными отношениями с Софьей Петровной Хитрово, длившимися более десятилетия. Соловьёв пишет о радостях и испытаниях любви («Уходишь ты, и сердце в час разлуки...»), «Безрадостной любви развязка роковая!», «Друг мой! Прежде, как и ныне...», «Там, под липой, у решетки...», «Полны мои мысли любовью одною...»), прославляет чудо любви (переводы из Га-

¹⁴ Сам факт существования целого пласта юмористической лирики у столь «серьезного» поэта-философа делает его весьма оригинальной и не удоботрактуемой фигурой в истории русской литературы. Аналогичный литературный феномен совмещения двух столь разнородных определяющих творческих стихий, быть может, и встречался в отечественной словесности, например, у Н. В. Гоголя, М. Е. Салтыкова-Щедрина, наконец, у создателей Козьмы Пруткина, но, конечно, не в той контрастности и показной равнозначности. Соловьёв целенаправленно и постоянно публиковал свою шуточную лирику (его псевдоним отнюдь не скрывал для современников имени автора), распространял ее среди близких и знакомых, интересовался их реакцией. Глубокое изучение шуточной лирики Соловьёва едва начато (Гусев В. А., Бойко А. А. Ирония в художественном творчестве Вл. Соловьёва // Вопросы русской литературы. Респ. межвед. науч. сб. Львов: Свит, 1991. Вып. 1/57. С. 3–10; Юрина Н. Г. Жанровый состав шуточной лирики В. С. Соловьёва // Вестн. Ленинградского гос. ун-та им. А. С. Пушкина. 2014. Т. 1, № 1. С. 30–39) и не входит в задачи данной работы. Отметим только, что мы считаем необходимым рассматривать соловьёвскую шуточную поэзию одновременно в двух аспектах: и как проявление авторской личностной потребности, определившей его игровую творческую стратегию, и как особую концепцию, имеющую под собой серьезную философскую основу. Для Соловьёва смех – это не только мощное и результативное средство воздействия на человека, действительность, но и один из ключевых признаков того мира, в котором существует эта действительность и человек на данный момент, в отличие от ирреального мира («В царстве мистических грез // В мире, невидимом смертным очам, // В мире без смеха и слез...» [9, с. 63]). Следовательно, шуточная лирика этого автора никак не противоречит корпусу произведений его «серьезной» поэзии, напротив, она является полноправной ее частью, без которой целое не может быть понято.

физа, А. Мицкевича – «Всех, кто здесь в любовь не верят...», «В мрачной келье замкнул я все думы свои...», «На мотив из Мицкевича»), утверждает идею вечности любви («Бедный друг, истомил тебя путь...»), по-прежнему рассматривая отношения с возлюбленной через призму своего учения о Софии. Одновременно образ возлюбленной в стихотворениях этой поры становится, в духе Ф. И. Тютчева, воплощением идеи о двойственной, хаотически-божественной природе человека («О, как в тебе лазури чистой много...», перевод Г. Гейне «Уж солнца круг, краснея и пылая...»).

В 1880-е гг. оформляется и пейзажная лирика Соловьёва. Он говорит в своей поэзии о самостоятельной, особой жизни природы, мировой души («Земля-владычица! К тебе чело склонил я...»), очищающем влиянии ее гармонии на душу человека («Пора весенних гроз еще не миновала...», «В Альпах», «Осеннюю дорогой»), утверждает концепцию всеединства в природе («L'onda dal mar' divisa»). В отличие от романтиков, тяготевших к ночному пейзажу, Соловьёв-поэт не очень любил поэтическое изображение тайны ночи. В тех его произведениях, где звучит мотив ночи, он стремится, на наш взгляд, к тютчевской ее трактовке как чего-то двойственного, одновременно страшного и святого: «В тумане утреннем неверными шагами // Я шел к таинственным и чудным берегам. // Боролся заря с последними звездами, // Еще летали сны – и, схваченная снами, // Душа молилася неведомым богам» [9, с. 72]. Вместе с тем, в отличие от Ф. И. Тютчева, Соловьёв был не склонен придавать образу ночи трагедийный характер. У него ночь, как правило, не открывает тайны мироздания, не отбрасывает те покровы, за которыми скрывается бездна, а лишь намекает на принадлежность души человека иным мирам. Здесь он ближе М. Ю. Лермонтову (конечно, при наличии совершенно иных мировоззренческих установок), ощущавшему себя частью природы, поэтому не испытывающему ужаса перед ее стихиями. Еще одна черта, отличающая соловьёвскую лирику природы от романтической поэзии школы В. А. Жуковского, – большая объективность пейзажа. У Жуковского и его последователей на первом плане оказывался «пейзаж души», отражающий общее настроение поэта («Вечер», «Невыразимое»). Самоценность пейзажу вернули любомудры, которые философски осмыслили связь природы и человека, создали психологическую пейзажную лирику. В этом отношении Соловьёву оказалась ближе именно их традиция.

Особая область поэтического творчества Соловьёва 1880-х гг. – его шуточная лирика. Под псевдонимом Экспер Гелиотропов он создает ряд шу-

точных стихотворений о конфликте поколений («Молодой турка») и трудностях жизни романтиков-мечтателей, утверждающих рыцарские принципы (пародия на М. Ю. Лермонтова «Видение», «Таинственный пономарь», «Осенняя прогулка рыцаря Ральфа»). Важным нововведением в поэтике шуточной лирики Соловьёва этой поры следует считать, во-первых, появление самоиронии. Пока еще она встречается нечасто, в основном в переводах (самоирония по отношению к собственным жизненным разочарованиям и крушениям – в переводе из Гафиза «Зданье жизни твоей ныне...»). Во-вторых, в лирических произведениях этого рода заметно усиливается общественно-сатирическое начало, о котором в свое время упоминала З. Г. Минц: «Во втором периоде творчества, в годы наибольшей социальной активности, у Соловьёва появляются стихотворения собственно-сатирические. Их основной отличительной особенностью становится направленность не против мира „материи“ как такового, а против совершенно определенных явлений современного писателю общественного и политического строя» [10, с. 43]. Поэт создает эпиграммы на общественных и литературных деятелей («На Т. И. Филиппова», «Знаменитому гражданину», «Поговорим о том, чем наша жизнь согрета...», «Жил-был поэт...»), критикует правительство и «пророков» современной России («Благонамеренный и грустный анекдот!», «Протяжно-сложенное слово...», «Своевременное воспоминание», «Каюсь, древняя ослица...»), институт монашества («Ах, далеко за снежным Гималаем...», перевод из Гафиза «С каблуком, сказать по правде...»), нравы и обычаи обывателей («Город глупый, город грязный!»), рисует социальные контрасты («Размышление о неизменности законов природы»). Вряд ли подобные произведения можно определить как политическую лирику: Соловьёв никогда не признавал подобной разновидности и не занимался собственно политикой, призывал к «тихому» служению обществу (из Гафиза: «Тише, тише! Злобный свет...»), однако соотносить их с общественно ориентированной поэзией мы считаем вполне возможным.

В лирике Соловьёва 1880-х гг. появляются тенденции к параллельному воплощению темы одновременно в «серьезном» и шуточном вариантах, сохранявшихся до конца жизни¹⁵. Он пишет о вдохновенности любви, ее силе, чудотворном воздействии на любящее сердце («Что деревья вихорь бурный...», «От улыбки твоей благодатной...») и параллельно разрабатывает тему злых жен («Полигам и пчелы»), опасностей любви («Молодой турка»), женской неверности («Осенняя прогулка рыцаря Ральфа»), осмеивает любовь к зрелым дамам («Лю-

¹⁵ Так, на уровне поэтики отразилась связанность между «серьезной» и «шуточной» лирикой Соловьёва, части которой оказались сознательно (или бессознательно?) скреплены самим автором воедино.

блю я дам сорокалетних...»). Поднимая назначение творчества предельно высоко, до подвига, служения, пророчества («Три подвига», «А. А. Фету, 19 октября 1884 г.», «Восторг души расчетливым обманом...», эпиграммы Дж. Б. Стоцци, «Ответ» Микель-Анджело), в «Пророке будущего» он рисует поэта как смешного и непонятого окружающим безумца. Как и Ф. И. Тютчев, Соловьёв сравнительно мало писал в 1880-е гг. собственно о творческом процессе и поэтическом призвании¹⁶ («Три подвига»), зато мотивы избранничества поэта, вечной жизни истинных шедевров искусства в этот период литературной деятельности у него достаточно частотны. В шуточной трактовке темы поэзии («Пророк будущего») Соловьёв утверждал отнюдь не пушкинскую мысль о могуществе и всеведении поэта-пророка, напротив, указывал на его сосредоточенность на неясном, малопонятном для простых людей: «И всецело в некромантию // Ум и сердце погрузил. // Со стихиями надзвездными // Он в сношение вступал, // Проводил он дни над безднами // И в болотах ночевал» [9, с. 140].

Собственно философский корпус лирики Соловьёва этого этапа творчества посвящен темам таинственной жизни души («В Альпах») и ее воспоминаний о мистической родине («Бескрылый дух, землю полоненный...»), пересечения миров и двойственности бытия («Какой тяжелый сон! В толпе немых видений...»). Если в 1870-х гг. очень важной для автора была тема избранничества («Песня офитов»), то теперь, вместе с хвалами Деве Марии в переводе Петрарки «Хваления и моления Пресвятой Деве», возникает тема служения Богу («В землю обетованную», «В стране морозных вьюг, среди седых туманов...»). Вместо апокалиптических опасений («Взгляни, как ширь небес прозрачна и бледна...») появляется тема пророчества о наступлении золотого века («Поллион»). Поэт-философ рассуждает о жизненных ориентирах человека («От пламени страстей, нечистых и жестоких...») и определяет человеческий путь как вечный поиск и странничество («В тумане утреннем неверными шагами...», «Бедный друг, истомил тебя путь...», «Моя ладья»).

1890-е гг. – время расцвета художественного творчества и поэзии Соловьёва. Его стихотворные произведения этой поры в тематическом отношении выглядят особенно разнообразными и даже пестрыми. При сохранении некоторых ранее намеченных тем (иное, таинственное, неведомое бытие («Милый друг, иль ты не видишь...», «Сон наяву»,

«Трепетали и таяли звуки...», «Старую песню мне сердце поет...», «Les revenants»), жизнь души (перевод «Все память возратить готова...»), связь человека с Богом («Имману-эль», «Чем люди живы?», «Око вечности», «Вновь белые колокольчики»)) в философской лирике Соловьёва появляется ряд новых. Среди них прежде всего апокалиптическая¹⁷ и историософская темы («Ex oriente lux» в начале 1890-х, «Панмонголизм» – в середине 1890-х гг.), а также тема «невыразимого» («Зачем слова? В безбрежности лазурной...»), трактуемые в традициях русской романтической лирики.

Уже с начала 1890-х гг. в поэзии Соловьёва существует тема памяти, уходящих чувств и отношений («На том же месте», «С Новым годом», «Другу молодости» и др.), возникшая, возможно, в связи с жизненными потерями и расставаниями. Постепенно эта тема прошлого, невозвратного переплетается с темой смерти, окрашивается в характерные для автора мистические тона, дополняется мотивом зова отошедших из неведомого мира («Отошедшие», «Опять надвинулись томительные тени...», «Лишь только тень живых, мелькнувши, исчезает...»), перевод из Теннисона «Когда весь черный и немой...», «Памяти А. А. Фета», «На смерть А. Н. Майкова», «Что-то здесь осиротело...», «Белые колокольчики» и др.). Тема смысла жизни несколько трансформируется у Соловьёва в 1890-е гг. В связи с проникновением в поэтическую трактовку человека тютчевской мысли о синтезе в нем демонического и божественного начал («Гроза утром») жизнь трактуется то как подвиг («Если желанья бегут, словно тени...»), то как апелляция к силе Христа («В час безмолвного заката...»), то как ответ на вопрос Бога («Нет, силой не поднять тяжелого покрова...»), то как война («Мирный сон снится вам...»). Соловьёв подчеркивал силу затаившегося мирового зла («Колдункамень»), но уповал на помощь человечеству светлых небесных сил («Нильская дельта», «Три свидания», «Лишь забудешься днем иль проснешься в полночи...», «У себя»). Тема творчества в лирике Соловьёва 1890-х годов звучит постоянно, но теперь дополняется новыми мотивами – смертности автора-творца и бессмертия его творений («На смерть А. Н. Майкова», «А. А. Фету», «Отзыв на „Песни из „Уголка““», «Ответ на „Плач Ярославны“», «Две сестры»), истинных истоков русской поэзии («Родина русской поэзии»).

Заметны изменения в интимной лирике Соловьёва этого периода. Начало 1890-х гг. совпадает со

¹⁶ У Ф. И. Тютчева в чистом виде этим темам посвящено фактически одно стихотворение «Ты зрел его в кругу большого света...» (1830-е гг.).

¹⁷ Впрочем, апокалиптическую тему, как мы указывали ранее, можно считать у Соловьёва «одной из главных и вполне самостоятельных тем» [11, с. 70], разрабатываемых на протяжении всего творчества. Только в 1870-е гг. она существовала скорее на уровне сквозного мотива и ведущего, трагического, настроения в связи с предчувствием Судного дня: «Не кажется ль тебе, что мир уж не проснется, // Что солнце из-за туч вовек не вознесется // И что настал последний день?» [9, с. 66].

временем его последнего романтического увлечения С. М. Мартыновой. Со стороны философа новая любовь была не менее пылкой и страстной, чем предыдущая, но менее глубокой и более кратковременной. Она – вновь замужняя женщина, правда, в отличие от С. П. Хитрово, отвечающая на чувства Соловьёва равнодушием и насмешливым кокетством. Если нежное отношение к С. П. Хитрово Соловьёв пронес до конца жизни и уже после расставания с возлюбленной в его поэзии часто появлялась тема воспоминаний о былых отношениях, то любовная связь с Мартыновой закончилась полным разрывом и большим разочарованием. Отсюда – иронический тон в поздней лирике как по поводу внутренней сущности возлюбленной (цикл «Матрёна»), так и по поводу собственной роли в этих отношениях («Я был велик. Толпа земная...»), заметный контраст в воплощении любовной темы в начале и середине 1890-х гг. Положительным следствием пережитых чувств становится возрождение поэтической активности Соловьёва. Создается так называемый «мартыновский» цикл стихотворений («Пусть осень ранняя смеется надо мною...», «Три дня тебя не видел, ангел милый...», «Я смерти не боюсь. Теперь мне жить не надо...», «Тесно сердце – я вижу – твое для меня...», «Мы сошлись с тобой недаром...» и др.). На наш взгляд, убедительно предположение К. В. Мочульского, что теория Эроса, созданная в эти годы Соловьёвым («Смысл любви», 1892–1894), выросла из его размышлений над только что пережитым душевным опытом [2, с. 178].

Как следствие изменений в интимной лирике можно рассматривать проникновение иронических ноток и в поэтические произведения Соловьёва 1890-х гг. о нисхождении Вечной Женственности в человеческий мир («Das Ewig-Weibliche» и др.). Ключевым текстом поэта, раскрывающим эту тему, стала лирическая поэма «Три свидания»¹⁸. Однако при рассмотрении произведения необходимо учитывать вектор направленности авторского смеха, на наш взгляд, никак не снижающего образ Подруги вечной. Он предстает исключительно в лирико-патетических строках: «Пронизана лазурью золотистой, // В руке держа цветок нездешних стран, // Стояла ты с улыбкою лучистой...» [9, с. 126]; «И в пурпуре небесного блистанья // Очами, полными лазурного огня, // Глядела ты, как первое сиянье // Всемирного и творческого дня» [9, с. 130]. Возможности смеховой стихии привлекаются здесь только для описания лирического героя и мелких бытовых подробностей, контрастно подчеркиваю-

щих неготовность земного мира и человечества к таинству встречи с Божественным. Что касается стихотворения «Das Ewig-Weibliche», то здесь, как и в «Белой Лилии», полностью господствует смеховая стихия, но характер отождествления главного образа произведения с сокровенной для себя идеей все-таки «игровой».

Пейзажная лирика Соловьёва в 1890-е гг. развивалась от романтико-мистических лирических зарисовок в духе В. А. Жуковского («Ветер с западной страны...») к пейзажам тютчевского, философского, типа. Причем Соловьёв-поэт середины 1890-х гг. оказывается очень чутким одновременно к нескольким аспектам поэзии предшественника. Как и Ф. И. Тютчев, он рисует жизнь природы (и шире – мировую жизнь) как самостоятельную, независимую от человеческой («Иматра», стихи «финского» цикла «Сайма», «Что этой ночью с тобой совершилось?», «Эти грозные силы, что в полдень гремели...»). Поэт подчеркивает в ней вековую борьбу между хаотическим и гармоническим началами, между тьмой и светом («Ночь на Рождество», «На Сайме зимой», «На палубе „Торенто“», «Das Ewig-Weibliche»), показывает взаимосвязанность жизни человека и природы¹⁹ («Лунная ночь в Шотландии», «Прощание с морем», «Там, где семьей столпились ивы...», «По дороге в Упсалу», «Сходня... Старая дорога...», «Монрепо», «Тебя полюбил я, красавица нежная...», «Шум далекий водопада...», «Иматра», «Воскресшему», «Наконец она стряхнула...», «Июньская ночь на Сайме», «Гроза утром», «На поезде утром», «Песня моря», «На том же месте», «11 июня 1898 г.») и гораздо реже – их контрастность («Нет вопросов давно, и не нужно речей...»). Особенно сильны эти тютчевские традиции в поэтико-философском «финском» цикле стихов Соловьёва, где «всяческие проявления мощи стихий воспринимаются... как результат противостояния двух главных основ бытия, как неизбежное движение мировой жизни от хаоса к гармонии, от тьмы к свету» [12, с. 47].

В шуточной лирике Соловьёва 1890-х гг. преобладает социальная сатира. На расширение тематического диапазона этой разновидности его поэзии могло повлиять в том числе активное жанровое экспериментаторство автора именно в области шуточной лирики. Для того чтобы «показать реальное как бессмысленное и неисправимое», «указать на несерьезность всех жизненных зол в свете высшей истины» [13, с. 39], он апробирует возможности са-

¹⁸ В подражание ей А. Белый напишет в 1921 г. поэму «Первое свидание», где опишет свой опыт общения с «Вечноженственной», который перевернул его судьбу.

¹⁹ Восходящий к А. А. Фету параллелизм «природного» и «душевного» дополняется у Соловьёва мистическим осмыслением жизни природы и человека, а потому тексты обретают новые смыслы: «природные знаки» и определенные события получают символическое значение, свидетельствуют о грядущем преображении мира.

тирической (сатира, эпиграмма), пародирующей (пародия, автопародия, автоэпитафия) и дидактической лирики (басня), трансформирует традиционно «высокие», серьезные жанры в сниженный их вариант (ода, гимн, элегия, дружеское послание). Многообразии жанровых решений вело к расширению тематики: критика деятельности правительства («Привет министрам», «На К. П. Победоносцева», «Сановный блюститель...», «Уносит все река времен...»), осуждение мнимой религиозности («Затеплю я свою лампаду...»), воображаемого общественного прогресса («Я не люблю таких ироний...»), разоблачение земных кумиров («Кумир Небукаднечара»), деятельности российских судов («Вы – стадо баранов! Печально...»), основ текущей общественной жизни («М. М. Стасюлевичу», «Михаилу Матвеевичу в день чуда арх. Михаила в Хонех»), женского вопроса («Придет к нам, видно, из Лесбоса...»), «Дал вечность Лесбии своей...»). В отличие от лирики 1870-х гг., отвлеченно-шуточных произведений в позднем творчестве Соловьёва становится мало. Поэт прославляет винопитие («Отказаться от вина...»), осуждает невежество, обожествляющее неведомое («Эфиопы и бревно»), рассуждает о круговороте жизни и смерти («Метемпсихоза»). Появляется несколько новых сквозных тем: полемика с оппонентами по философским и литературным вопросам («Из письма», «Душный город стал несносен...»), «Н. Я. Гроту», «Горизонты вертикальные...»), «За зеленым холмом...»), «На небесах горят паникадила...»), «Неврон финляндский, страждущий невритом...»), «Ты взвел немало небылицы...»), «Левон! Ты феномен! Российскому акцизу...»), «Не болен я и не печален...»), подведение жизненных итогов, ироническое осмысление собственной личности, общественной позиции, нравственных ориентиров, отношений в любви, бытовой непрактичности, здоровья, творчества («Князю Д. Н. Цертелеву», «Цвет лица геморроидальный...»), «Н. Я. Гроту», «Признание», «Эти финские малютки...»), «Вчера, идя ко сну, я вдруг взглянул в зеркало...»), «Не обманул я Вас, а сам обманут»).

В последние годы жизни Соловьёв переходит от общественной сатиры к описаниям эпизодов собственной жизни, окрашенным самоиронией (дружеские послания «Л. М. Лопатину», 1896, 1897; «М. М. Стасюлевичу», 1897; «М. А. Кавосу», 1890-е гг.). Вновь в шуточном ракурсе он начинает трактовать «серьезную» тему творчества («Редакторы и друзья!», «Я клянуся сей бумагой...»), «„На берегу пустынных вод...», «Годится ли, или негодно...»), «Автопародия», «Я. П. Полонскому», «Некогда некто изрек: „Сапоги суть выше Шекспира“», «По поводу стихов Майкова „У гробницы Грозного“ и стихов Фофанова на могиле Майкова», «Явился я на свет под знаком Водолея»). Некоторые темы

воплощались им одновременно в «серьезном» и шуточном вариантах – взаимообусловленность жизни человека и природы («Этот матово-светлый жемчужный простор...») и «Поэт и грачи»), нравственность («Когда в свою сухую ниву...») и «Дорогой Михаил Альбертыч!»).

Отдельны темы в лирике Соловьёва оказались сквозными – власть судьбы («Уходишь ты, и сердце в час разлуки...», 1880; «Моя ладья», 1886; «Ex oriente lux», 1890; «Не по воле судьбы, не по мысли людей...», 1890; «О, что значат все слова и речи...», 1892), библейская («В стране морозных вьюг, среди седых туманов...», 1882; «В землю обетованную», 1886; «Каюсь, древняя ослица...», 1887; «Воды, шумящие волны, – потоп угрожает!», 1885; «Поллион», 1887; «Кумир Небукаднечара», 1891; «Иммануэль», 1892; «Ночь на Рождество», 1894), мифологическая («Прометею», 1874; «Vis ejus integra si versa fuerit in terram», 1876; «Три подвига», 1882; «Друг мой! прежде, как и ныне...», 1887). Другие были актуальны для поэта на протяжении определенного этапа творчества. Так, в 1870-е и 1890-е гг. в стихотворениях Соловьёва неоднократно повторяются темы неведомой отчизны души («Близко, далёко, не здесь и не там...», 1875–1876; «Что роком суждено, того не отражу я...», 1875–1877), одиночества человека в мире («Что роком суждено, того не отражу я...», 1875–1877; «На палубе „Фритиофа“», 1893; «Лунная ночь в Шотландии», 1893; «Нет, силой не поднять покрывала...», 1897). В отличие от традиционно романтического обоснования как результата отчуждения неординарной личности от общества, тема одиночества имела у Соловьёва дополнительные смыслы: как свидетельство несовершенства «здешнего» мира, антитеза единения. В 1880-е гг. в переводах Соловьёва активно разрабатывается тема востока («Всех, кто здесь в любовь не верит...», «Если б ведал ум, как сладко...») и др.). В ее рамках поэт писал о бессмертии красоты, скоротечности человеческой жизни, бренности людских дел перед миром вечности, утверждал радостное приятие жизни. В 1890-е гг. в лирике Соловьёва часто звучали темы дружбы («М. С. Соловьёву», 1894; «Старому другу», 1997), насилия в человеческом мире («В окрестностях Або», 1894; «Кумир Небукаднечара», 1891), пророчества («Неопалимая купина», 1891; «Я был велик. Толпа земная...», 1892).

Как видим, для лирики Соловьёва характерна широта тематического диапазона, контрастность звучания отдельных тем, воплощенных одновременно в «серьезном» и шуточном вариантах. Вместе с тем нельзя отрицать, что для его художественного мира свойственна повторяемость ключевых тем. Однако это говорит не о бедности его лирики, а о верности автора любимым поэтическим идеям, усиленной их разработке, постоянном их углублении.

Список литературы

1. Розанов В. В. Памяти Соловьёва // Вл. Соловьёв: Pro et contra. Личность и творчество Владимира Соловьёва в оценке русских мыслителей и исследователей. Антология. Т. I. СПб.: Изд. Русского христианского гуманитарного института, 2000. С. 190–195. URL: http://az.lib.ru/r/rozanow_w_w/text_1900_pamyati_solovieva.shtml (дата обращения: 18.08.2017).
2. Мочульский К. Владимир Соловьёв. Жизнь и учение // Мочульский К. Гоголь. Соловьёв. Достоевский. М.: Республика, 1995. С. 61–216. URL: <http://www.vehi.net/mochulsky/soloviev/> (дата обращения: 18.08.2017).
3. Юрина Н. Г. Специфика русской философской лирики XIX века: от Любомудров к Вл. Соловьёву // Вестн. Нижегородского ун-та им. Н. И. Лобачевского. 2017, № 1. С. 250–259. URL: <http://www.vestnik.unn.ru/ru/nomera?num=221> (дата обращения: 18.08.2017).
4. Соловьёв В. С. Поэзия гр. А. К. Толстого // Соловьёв В. С. Литературная критика. М.: Современник, 1990. С. 122–143. URL: <http://www.rodon.org/svs/pgakt.htm> (дата обращения: 18.08.2017).
5. Розанов В. В. Владимир Соловьёв. Стихотворения // Розанов В. В. Собр. соч. Т. 7. Легенда о Великом инквизиторе Ф. М. Достоевского. Литературные очерки. О писательстве и писателях / под общ. ред. А. Н. Николюкина. М.: Республика, 1996. С. 622–625. URL: http://publ.lib.ru/ARCHIVES/R/ROZANOV_Vasilij_Vasil'evich/_Rozanov_V.V..html#007 (дата обращения: 18.08.2017).
6. Лукьянов С. М. Поэзия Вл. С. Соловьёва // Вестник Европы. 1901. Т. II. Март. С. 128–161. URL: <http://relig-library.pspu.ru/modules.php?name=1975> (дата обращения: 18.08.2017).
7. Соловьёв С. М. Владимир Соловьёв: Жизнь и творческая эволюция. М.: Республика, 1997. 431 с.
8. Батюшков К. Н. Нечто о морали, основанной на философии и религии // Батюшков К. Н. Опыты в стихах и прозе. М.: Наука, 1977. С. 182–196. URL: <http://batyushkov.lit-info.ru/batyushkov/proza/nechto-o-morali.htm> (дата обращения: 18.08.2017).
9. Соловьёв В. С. Стихотворения и шуточные пьесы. Л.: Советский писатель, 1974. 352 с. URL: http://imwerden.de/pdf/solovjev_stikhovoreniya_i_shutochnye_pjesy_1974_text.pdf (дата обращения: 18.08.2017).
10. Минц З. Г. Владимир Соловьёв – поэт // Соловьёв В. С. Стихотворения и шуточные пьесы. С. 5–56. URL: http://imwerden.de/pdf/solovjev_stikhovoreniya_i_shutochnye_pjesy_1974_text.pdf (дата обращения: 18.08.2017).
11. Юрина Н. Г. Тема апокалипсиса в поэтическом творчестве Вл. Соловьёва: романтико-реалистическая и символистская традиции // Соловьёвские исследования. 2012. Вып. 3 (35). С. 67–81. URL: <http://ispu.ru/files/335.pdf> (дата обращения: 18.08.2017).
12. Юрина Н. Г. Финская тема в поэтическом творчестве В. С. Соловьёва // Финно-угорский мир. 2014. № 3. С. 42–47. URL: <http://csfu.mrsu.ru/ru/archives/595> (дата обращения: 18.08.2017).
13. Юрина Н. Г. Жанровый состав шуточной лирики В. С. Соловьёва // Вестн. Ленинградского гос. ун-та имени А. С. Пушкина. 2014. Т. 1, № 1. С. 30–39. URL: http://lengu.ru/modules/rapid_files/getfile.php?file_id=3749 (дата обращения: 18.08.2017).

Юрина Наталья Геннадьевна, кандидат филологических наук, доцент, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва (ул. Большевикская, 68, Саранск, Россия, 430005). E-mail: dep-general@adm.mrsu.ru; dep-mail@adm.mrsu.ru.

Материал поступил в редакцию 23.08.2017.

DOI 10.23951/1609-624X-2017-11-170-178

THE THEMATIC RANGE OF PHILOSOPHICAL LYRICS BY V. S. SOLOVYOV

N. G. Yurina

National Research Mordovia State University, Saransk, Russian Federation

The article discusses the thematic range of V. S. Solovyov's lyrics. This issue is periodically raised in the Russian science about Solovyov, but the poetry of this lyric poet is analyzed either by thematic groups without specifying the subjects in them, or excluding some important layers of his creative work. Defining the nature of the Solovyov's poetry as philosophical, the author emphasizes that it is impossible to ignore the fact that apart from the actual philosophical part, there is the so-called «comic» lyrics in his legacy, largely reflecting the specificity of ideology of the author, his aesthetic and artistic views. The author of the article analyzes Solovyov's lyrical legacy in terms of the key themes and its changes in different periods of creativity, drawing as the material all diversity of art self-actualization of Solovyov-poet. The research was performed on the basis of the comparative-historical and typological methods. Stages of formation of the landscape, love, proper philosophical and humor lyrics of Solovyov are traced. The closeness of the themes of Solovyov's poetry with Russian and Western European romantic lyrics (V. A. Zhukovskiy, K. N. Batyushkov, M. Yu. Lermontov, G. Heine, A. Mickiewicz) on the one hand and philosophical lyrics of F. I. Tyutchev, on the other hand, is observed. In addition, there is a presence of the individual echoes of eastern gafiz and slavophilic poetic traditions. In addition, a presence of the separate echoes of the eastern, gafiz and slavophilic poetic traditions is observed. As a result of the research the conclusion about the breadth of the thematic range of the Solovyov's lyrics is made. Frequency of the key themes of his poetry is not associated with the poverty of his lyrics, but with the author's loyalty to his favorite poetic ideas, with the intense development and the constant deepening of them.

Key words: *V. S. Solovyov, philosophical lyrics, landscape lyrics, love lyrics, comic lyrics, themes, transformation of theme, poetic tradition, motive, imagery, irony.*

References

1. Rozanov V. V. Pamyati Solov'eva [Devoted to the memory of Solovyov]. *VI. Solov'ev: Pro et contra. Lichnost' i tvorchestvo Vladimira Solov'eva v otsenke russkikh mysliteley i issledovateley. Antologiya. T. I* [VI. Solovyov: Pro et contra. Personality and creativity of Vladimir Solovyov is in the evaluation of Russian thinkers and researchers. Anthology. Vol. 1]. St. Petersburg, Russian Christian Humanities Institute Publ., 2000, pp. 190–195 (in Russian). URL: http://az.lib.ru/r/rozanow_w_w/text_1900_pamyati_solovieva.shtml (accessed 18 August 2017).
2. Mochul'skiy K. Vladimir Solov'ev. Zhizn' i ucheniye [Vladimir Solovyov. The life and doctrine]. *Gogol'. Solov'ev. Dostoevskiy* [Gogol. Solovyov. Dostoevsky], Moscow, Respublika Publ., 1995. Pp. 61–216 (in Russian). URL: <http://www.vehi.net/mochulsky/soloviev/> (accessed 18 August 2017).
3. Yurina N. G. Spetsifika russkoy filosofskoy liriki XIX veka: ot lyubomudrov k VI. Solov'evu [Specific features of the Russian 19th-century philosophical lyrics: from lyubomudry to Vladimir Solovyov]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo – Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, 2017, vol. 1, pp. 250–259 (in Russian). URL: <http://www.vestnik.unn.ru/ru/nomera?num=221> (accessed 18 August 2017).
4. Solov'ev V. S. Poeziya gr. A. K. Tolstogo [Poetry of A. K. Tolstoy]. *Literaturnaya kritika* [Literary criticism], Moscow, Sovremennik Publ., 1990, pp. 122–143 (in Russian). URL: <http://www.rodon.org/svs/pgakt.htm> (accessed 18 August 2017).
5. Rozanov V. V. *Vladimir Solov'ev. Stikhotvoreniya [Vladimir Solovyov. Poems]. Sobraniye sochineniy. T. 7. Legenda o velikom inkvizitore F. M. Dostoyevskogo. Literaturnye ocherki. O pisatel'stve i pisatelyakh* [Collected works. Vol. 7. Legend of the Grand Inquisitor of F. M. Dostoyevsky. Literary essays. On writing and writers]. Ed. by A. N. Nikol'yukin. Moscow, Respublika Publ., 1996, pp. 622–625 (in Russian). URL: http://publ.lib.ru/ARCHIVES/R/ROZANOV_Vasilij_Vasil'evich/_Rozanov_V.V..html#007 (accessed 18 August 2017).
6. Luk'yanov S. M. Poeziya VI. S. Solov'eva [The poetry of VI. S. Solovyov]. *Vestnik Evropy – Bulletin of Europe*, 1901, vol. II, March, pp. 128–161 (in Russian). URL: <http://relig-library.pspu.ru/modules.php?name=1975> (accessed 18 August 2017).
7. Solov'ev S. M. *Vladimir Solov'ev: Zhizn' i tvorcheskaya evolyutsiya* [Vladimir Solovyov: Life and creative evolution]. Moscow, Respublika Publ., 1997. 431 p. (in Russian).
8. Batyushkov K. N. Nechto o morali, osnovannoy na filosofii i religii [Something about morality, based on the philosophy and religion]. *Opyty v stikhakh i proze* [Experiments in poetry and prose]. Moscow, Nauka Publ., 1977, pp. 182–196 (in Russian). URL: <http://batyushkov.lit-info.ru/batyushkov/proza/nechto-o-morali.htm> (accessed 18 August 2017).
9. Solov'ev V. S. *Stikhotvoreniya i shutochnye p'esy* [Poems and Comic Plays]. Leningrad, Sovetskiy pisatel' Publ., 1974. 352 p. (in Russian). URL: http://imwerden.de/pdf/solovjev_stikhotvoreniya_i_shutochnye_pjesy_1974_text.pdf (accessed 18 August 2017).
10. Mints Z. G. Vladimir Solov'ev – poet [Vladimir Solovyev is a poet]. *Solov'ev V. S. Stikhotvoreniya i shutochnye p'esy* [Poems and Comic Plays]. Leningrad, Sovetskiy pisatel' Publ., 1974, pp. 5–56 (in Russian). URL: http://imwerden.de/pdf/solovjev_stikhotvoreniya_i_shutochnye_pjesy_1974_text.pdf (accessed 18 August 2017).
11. Yurina N. G. Tema apokalipsisa v poeticheskom tvorchestve VI. Solov'eva: romantiko-realistskaya i simvolistskaya traditsii [The theme of the apocalypse in the poetic works of VI. Solovyov: romantic-realistic and symbolist tradition]. *Solov'evskie issledovaniya – Solovyov studies*, 2012, no. 3 (35), pp. 67–81 (in Russian). URL: <http://ispu.ru/files/335.pdf> (accessed 18 August 2017).
12. Yurina N. G. Finskaya tema v poeticheskom tvorchestve V. S. Solov'eva [The Finnish theme of V. S. Solovyov in the poetic works]. *Finno-ugorskiy mir – Finno-Ugric World*, 2014, no. 3, pp. 42–47 (in Russian). URL: <http://csfu.mrsu.ru/ru/archives/595> (accessed 18 August 2017).
13. Yurina N. G. Zhanrovyy sostav shutochnoy liriki V. S. Solov'eva [The genre structure of comic poetry V. S. Solovyov]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina – LSU Bulletin*, 2014, vol. 1, no. 1, pp. 30–39 (in Russian). URL: http://lengu.ru/modules/rapid_files/getfile.php?file_id=3749 (accessed 18 August 2017).

Yurina N. G., National Research Mordovia State University (ul. Bolshevistskaya, 68, Saransk, Russian Federation, 430005). E-mail: makarova-ng@yandex.ru.